

Этот удар заставил Сяо Чжоухэна увидеть звезды. Сам он был уже слегка пьян, а теперь еще и голова кружилась. Он уже собирался отругать служанку, которая не зажгла фонарь, как вдруг увидел, что это был Ли Чжуннань.

Почему-то глаза Ли Чжуннаня были красными, он сгорбился, опирался на стену, и все тело его тряслось.

— Восьмой молодой господин, что с вами? — Сяо Чжоухэн испугался и поспешил поддержать его.

— Ничего. — Ли Чжуннань улынулся ему. — Просто сердце болит.

Сяо Чжоухэн, видя, что венец Ли Чжуннаня слегка растрепался, и он выглядел как одержимый, стал поправлять его волосы. На ощупь они были влажными от пота, а слезы кружились в глазах, делая их туманными. Он выглядел очень жалко.

Внезапно Ли Чжуннань пошатнулся и упал прямо в объятия Сяо Чжоухэна.

Лицо Ли Чжуннаня было белым как бумага, глаза, словно кровавые дыры, пробитые ночью, смотрели куда-то за спину Сяо Чжоухэна. Тот инстинктивно обернулся и увидел человека, стоящего неподалеку и смотрящего на них.

Огни Резиденции Ли освещали ночь, как день, легкий ветерок дул в лицо, и вдалеке слышались звуки циня.

— Это же... господин Цюй Елян?

— Ц-ц. — С другой стороны донесся легкий насмешливый звук, словно смешок, но в нем была и тень презрения.

Взглянув, Сяо Чжоухэн увидел Цюй Еяна, одетого в роскошные одежды, с легкомысленным выражением лица. Не то чтобы из-за ночи, но он казался немного зловещим.

Цюй Елян, увидев, что Сяо Чжоухэн и Ли Чжуннань смотрят на него, ответил многозначительной улыбкой и ушел.

Сяо Чжоухэн не стал разгадывать значение действий Цюй Еяна, видя, что Ли Чжуннань плохо себя чувствует, он почувствовал тревогу:

— Ты в порядке? Нужно, чтобы я проводил тебя в комнату?

Ли Чжуннань не ответил на вопрос, вместо этого он слабо указал в сторону, куда ушел Цюй Елян:

— Кто это?

— Это господин Цюй Елян. Он... — Сяо Чжоухэн запнулся, не зная, как объяснить их отношения, и после паузы тихо сказал:

— Друг шестого молодого господина.

Услышав это, Ли Чжуннань замолчал, крепко сжав губы, на лице его не было ни капли крови.

Сяо Чжоухэн, видя, что он выглядит как на пороге смерти, поспешно сказал:

— Я позову врача.

— Не нужно... не нужно, это болезнь с рождения, неизлечима. — Ли Чжуннань слабо улыбнулся. — Господин Цзюэянь, не стоит так беспокоиться обо мне, я сам врач, просто нужно немного отдохнуть.

Не дожидаясь ответа Сяо Чжоухэна, он добавил:

— Пока пир не начался, господин Цзюэянь, лучше смени одежду, запах пудры слишком резкий.

Сяо Чжоухэн оцепенел, сам он не чувствовал никакого запаха, но, услышав это, вспомнил разговор с Инь Цзючу и все, что произошло, сердце его упало. Он сухо сказал:

— Простите, что испачкал вашу одежду, я сейчас переоденусь.

Ли Чжуннань взглянул на него, но не стал отрицать:

— Поторопись, скоро начнется пир.

Сяо Чжоухэн в душе ругал его: «Этот негодяй, такой красавец, а говорит так грубо, зря такая внешность», но вслух только сказал:

— Я понимаю.

Эта суматоха привлекла несколько служанок, которые поспешили помочь Ли Чжуннаню. Когда тот ушел, Сяо Чжоухэн, раздраженный, пошел в свою комнату переодеваться.

Сяо Чжоухэн не знал, что после того, как он уехал из Шуйяньмэй, Инь Цзючу долго стоял и смотрел в ту сторону, куда он ушел.

Сзади него звучала музыка из Цзяофансы, а впереди была тишина опустевшей ночи.

— Почему не заходишь? На улице так холодно. — Внезапно за его спиной появился Цзян Жули, держа в руке веер с золотыми нитями, легонько коснулся плеча Инь Цзючу. — О чем задумался?

Увидев, что Инь Цзючу долго не возвращается, Цзян Жули вышел его искать.

— Боюсь, он до сих пор на меня в обиде. — Инь Цзючу отвел взгляд, медленно опустив его на записку, которую только что передал ему Сяо Чжоухэн.

— На что Шутин может быть в обиде? — Цзян Жули, естественно, не знал, что происходило между ними, чувствовал лишь некоторое недоумение, наклонился, чтобы посмотреть на иероглифы, написанные Сяо Чжоухэном на бумаге, и рассмеялся. — Шутин снова просит тебя найти книги?

— Да, у меня есть связи, так что только я могу ему помочь.

— Брось, те книги, которые он ищет, либо редкие, либо древние, ему легко их хотеть, а тебе искать — это совсем другое дело.

— Ничего. — Инь Цзючу поднял брови. — Я обидел его, теперь должен стараться загладить вину.

— Какая вина? — Цзян Жули посмотрел на него с недоверием. — Хотя я не знаю, что между вами произошло, Шутин не мелочный человек. Сегодня он не выказал тебе никакого недовольства. Если все еще беспокоишься, позови его как-нибудь снова. — Цзян Жули замолчал, затем добавил:

— Но один в Резиденции Ли, другой женится, встретиться будет сложно.

Можно ли так просто простить его предательство? Инь Цзючу горько улыбнулся, подумав: «Боюсь, он будет ненавидеть меня всю жизнь».

— Это я был неправ. — Инь Цзючу глубоко вздохнул. — Теперь он такой, и это моя вина. Если бы не я... он бы не жил так, унижаясь в Резиденции Ли.

Цзян Жули не был знаком с Сяо Чжоухэном с детства, поэтому не знал, что тот мечтал о свободной жизни, и не понимал, откуда взялось это унижение. Он сказал:

— Вы, литераторы, такие странные. Шутин просит тебя найти книги, но не говорит зачем. Я не верю, что молодой господин из семьи Ли читает такие книги.

— Я тоже не знаю. — Инь Цзючу покачал головой. — Он только сказал, что работает над книгой, а затем каждый месяц отправляет рукописи в Академию Интянь.

Инь Цзючу не придавал этому значения, считая, что Сяо Чжоухэн просто отвлекается, чтобы забыть о боли, которую он ему причинил. Даже то, что он устроился в Резиденции Ли учителем, было, скорее всего, попыткой досадить ему. Но об этом он не мог говорить с другими, поэтому, когда Цзян Жули спросил о книгах, он лишь кратко упомянул об этом.

Цзян Жули, похоже, все еще был заинтересован:

— Тогда, когда увижу брата Хуанфу, спрошу его.

Они поговорили еще немного, а затем вернулись в зал.

Вернувшись в Резиденцию Ли, шестой молодой господин Ли Юньи, как и подобает избалованному аристократу, сменил одежду. Теперь он выглядел высоким и стройным, излучая благородство. Он стоял в Беседке Саньцю, держа в руках чашку чая, полузакрытые глаза внимательно слушали, как музыкант играл на люте.

Музыкант был с черными глазами и нежным лицом, неизвестно, какую мелодию он играл, но его тонкие руки скользили по струнам, звуки были чистыми, как будто лунный свет проникал в душу, очищая ее от всего лишнего.

— Прекрасно, прекрасно. — Когда мелодия закончилась, Ли Юньи не смог сдержать похвалы. — Цзяньлань, твое мастерство стало еще лучше. — Музыканта звали Цзяньлань, ее Ли Юньи спас год назад. Она была из благородной семьи, но после разорения отца ее продали в таверну певицей. Цзяньлань отказалась, и Ли Юньи с Цюй Еляном, случайно проходившие мимо, помогли ей. Теперь она была одной из наложниц Ли Юньи.

— Вы льстите мне, господин. — Цзяньлань застенчиво улыбнулась, ее тонкие брови и вишневые губы, длинные ресницы украдкой смотрели на Ли Юньи, а жемчужные серьги звенели в такт.

Ли Юньи опустил глаза, сделал глоток из чашки, из которой поднимался легкий пар. В это

время к беседке подошла служанка и тихо сказала:

— Шестой молодой господин, господин Люй и господин Лоу уже в главном зале.

— Хорошо, я сейчас. — Ли Юньи улыбнулся служанке, затем огляделся. — А где Юйин?

— Шестой молодой господин, Юйин ухаживает за восьмым молодым господином. Недавно пятнадцатый молодой господин отправил Юйин в Павильон Осенних Вод.

— О? — Ли Юньи поднял бровь, передал чашку служанке и многозначительно улыбнулся. — Пятнадцатый брат действительно умеет принимать решения.

Три героя Цзиньлина — это Цзюэянь Юцай Сяо Чжоухэн, именуемый Шутином.

Хаодянь Луаньпяо Инь Цзючу, именуемый Сиюнем, художник.

Луаньсянь Цзиньэ Хуанфу Чу, именуемый Юйсином, циньши.

Их друзья: Цзян Жули, именуемый Цзянцзюе.

Дин Чжунчоу, именуемый Цзюцзе.

<http://bllate.org/book/16134/1444367>